

УДК 336

АНТИКРИЗИСНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Н. В. Пушко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности правового статуса антикризисного управляющего в контексте применения к нему административной и уголовной ответственности по законодательству Республики Беларусь. Проведенное исследование позволило сформулировать правовое обоснование приравнивания статуса антикризисного управляющего к статусу должностного лица при осуществлении им государственно-властных полномочий в процедурах экономической несостоятельности (банкротства).*

***Ключевые слова:** банкротство, антикризисный управляющий, должностное лицо, административная ответственность, уголовная ответственность.*

***Annotation.** The article discusses the features of the legal status of the anti-crisis manager in the context of the application of administrative and criminal liability under the legislation of the Republic of Belarus. The conducted research made it possible to formulate a legal justification for equating the status of an anti-crisis manager with the status of an official in the exercise of state authority in the procedures of economic insolvency (bankruptcy).*

***Keywords:** bankruptcy, anti-crisis manager, official, administrative responsibility, criminal liability.*

Современное экономическое положение многих субъектов хозяйствования позволяет говорить о том, что потребность в проведении процедур экономической несостоятельности может существенно возрасти. Это может, в свою очередь, значительно увеличить потребность в пресечении противоправных действий на всех стадиях банкротства. Поэтому правовой системой должна быть предотвращена возможность возникновения ситуаций, при которых должник намеренно идет на банкротство, а также совершает действия, направленные на сокрытие имущества.

В процессе своего становления административно-правовая ответственность за нарушение законодательства о банкротстве в Республике Беларусь претерпела ряд достаточно серьезных изменений. Действовавший до 2003 г. Кодекс БССР об административных правонарушениях от 6 декабря 1984 г. по объективным причинам не содержал норм, регулировавших правоотношения в сфере банкротства. Кодекс Республики Беларусь об административных

правонарушениях, принятый в 2003 г. (далее — КоАП-2003) [1], впервые в ст. 12.13 включил в себя положения, установившие административную ответственность за неправомерные действия при банкротстве. В девяти частях данной статьи были выделены основания и условия наступления административной ответственности за различные правонарушения в данной сфере. В частности, для привлечения антикризисного управляющего к административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение им своих обязанностей были предусмотрены нормы, установленные ч. 8 ст. 12.13 КоАП-2003 [1], имевшие отсылочный характер к нормам об обязанностях временного (антикризисного) управляющего, содержащихся в действовавшем Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [2].

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, принятом в 2021 г. (далее — КоАП-2021) [3] произошла отмена административной ответственности для антикризисных управляющих по ст. 12.13 КоАП-2003 за неисполнение предусмотренных законодательством при осуществлении процедур экономической несостоятельности (банкротства) обязанностей управляющего. В КоАП-2021 сохранилась лишь норма об ответственности управляющих за невыполнение требований о заключении договора обязательного страхования, действовавшая еще в КоАП-2003 г., которая не претерпела существенных изменений, за исключением того, что в КоАП-2021 исключен низший предел ответственности в виде штрафа. Таким образом, в настоящее время антикризисный управляющий несет только имущественную ответственность по решению суда, которая у него в обязательном порядке должна быть застрахована.

Такое фактическое упразднение административной ответственности в сфере банкротства может быть объяснено не только тем, что весьма незначительное число управляющих привлекалось к административной ответственности непосредственно за несоблюдение законодательства о банкротстве, но и тем, что при всей безусловной необходимости контроля государственных органов за их деятельностью в то же время само законодательство о банкротстве предусматривает объективную возможность у кредиторов контролировать деятельность антикризисного управляющего. Кроме того, антикризисный управляющий обязан регулярно предоставлять отчет о своей деятельности в экономический суд, что также является эффективной формой контроля его деятельности со стороны государства.

Что касается уголовной ответственности, то в настоящее время существует достаточно много составов преступлений, субъектом которых может стать антикризисный управляющий, который является ключевой фигурой

в производстве по делам об экономической несостоятельности, в связи с чем остро встает проблема добросовестности его действий. При этом в юридической литературе не прекращаются споры о правовом статусе антикризисных управляющих: являются ли они органами или представителями юридических лиц либо самостоятельными субъектами права. От разрешения данного вопроса во многом зависит, могут ли антикризисные управляющие рассматриваться как субъекты преступлений против интересов службы, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена гл. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [4].

Думается, что при определении правового статуса антикризисного управляющего необходимо исходить из того, что он в процессе своей деятельности имеет так называемый двойственный статус, суть которого состоит в том, что в зависимости от того, какую роль в конкретных правоотношениях приобретает антикризисный управляющий, он реализует компетенцию, основанную на государственно-властных отношениях либо на полномочиях, проистекающих из частного права: он действует и как представитель государственной власти, и как субъект гражданских правоотношений.

Поэтому считаем, что уголовно-правовым решением существующего правового пробела может стать приравнение деятельности антикризисного управляющего в случае осуществления им публично-правовых функций (например, при принятии требований кредиторов и ведении их реестра, отчета перед кредиторами и экономическим судом, выявлении признаков фиктивного и преднамеренного банкротства и иных нарушений со стороны участников процедуры банкротства и др.) к деятельности должностного лица. Этому может служить подтверждением и правовая позиция, обоснованная профессором В. М. Хомичем, который в качестве должностного лица рассматривает: «...во-первых, только физических лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции; во-вторых, лиц, уполномоченных в установленном порядке на совершение юридически значимых действий; в-третьих, государственных служащих, имеющих право в пределах компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе» [5].

В настоящее время существует ряд уголовно наказуемых составов преступления, непосредственным субъектом которых может стать антикризисный управляющий: ст. 239 «Соккрытие экономической несостоятельности (банкротства)», ст. 240 «Преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство)», ст. 241 «Препятствование возмещению убытков кредитору (кредиторам)» УК [4], и во всех из них субъектом преступления является должностное

лицо. Однако действующий на сегодняшний день состав преступления, предусмотренный, например, ст. 241 УК, имеет ряд существенных недостатков: антикризисный управляющий в качестве субъекта уголовно наказуемого деяния по данному составу прямо в нем не закреплен, а лишь подразумевается в соответствии с законодательством о банкротстве.

При этом нельзя не отметить, что зачастую признаки ряда преступлений, таких как, например, ложное (ст. 238 УК) или преднамеренное (ст. 240 УК) банкротство, могут проявляться в защитном периоде, когда руководитель должника все еще осуществляет управление субъектом хозяйствования. В таком случае мы не можем рассматривать управляющего как субъекта указанных составов преступления, так как он не несет ответственности за сокрытие или отчуждение имущества, произведенное до того, как он приступил к непосредственному управлению предприятием.

Антикризисный управляющий в процессе своей деятельности также может совершить и иные преступления, предусмотренные уголовным законодательством, такие как мошенничество (ст. 209 УК), присвоение или растрата (ст. 211 УК), уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 УК), хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) и др., в которых такой специальный субъект, как антикризисный управляющий, не предусмотрен. Поэтому приравнение его правового статуса к статусу должностного лица при осуществлении им организационно-распорядительных функций будет, на наш взгляд, соответствовать характеру и степени общественной опасности совершаемых противоправных деяний, которые могут иметь существенные правовые последствия в виде значительных убытков, причиненных как субъекту хозяйствования, так и государству в целом.

Таким образом, считаем, что элиминирование излишней корреляции административной санкции с гражданско-правовой (имущественной) ответственностью антикризисного управляющего, предусмотренной законодательством о финансовой несостоятельности, путем фактического упразднения административной ответственности непосредственно за правонарушения в сфере экономической несостоятельности является своевременным и необходимым средством исключения избыточного дуализма в контроле за реализацией управляющим своих функций в процедурах банкротства. В то же время придание антикризисному управляющему статуса должностного лица (специального субъекта преступления) при осуществлении им противоправных деяний во время выполнения им публично-правовых функций будет не только средством исключения правового пробела, но и важным направлением противодействия криминальным банкротствам без кардинального изменения законодательства.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 276-З : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. № 226-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Хомич В. М. Понятие должностного лица в уголовном праве [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)